

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ТОРГОВЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ: МЕЖДУ «ВООБРАЖАЕМЫМИ СООБЩЕСТВАМИ» И «ПЕРВИЧНЫМИ ГРУППАМИ»

Ольга Бредникова, Олег Паченков

Все классические концепции экономической деятельности мигрантов исходят из предположения, что мигранты объединяются, в первую очередь, на основе общей (разделяемой) этнической принадлежности и формируют этнические социальные сети, а выбор экономических стратегий зависит от принадлежности к той или иной этнической группе. Также предполагается, что в окружении «чужих» мигранты доверяют друг другу главным образом потому, что являются членами одной этнической группы, и это доверие, основанное на разделяемой этнической идентичности, сокращает возможные трансакционные издержки (например, излишним становится использование посредников, выступающих гарантами в бизнесе)¹.

Ситуация миграции характеризуется, с одной стороны, ущемленным положением меньшинства; с другой стороны, мигранты имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, которые в социальных исследованиях, как правило, характеризуются как «этнические». Согласно А. Лайту, такими выступают ресурсы, основанные на идентификации человека с определенным этническим сообществом². Ученый выделяет две группы ресурсов, используемых мигрантами — **этнические** и **классовые**. На этом основании он предлагает различать два типа этнического предпринимательства. Первый тип базируется на использовании традиционных, этнических и коллективистских ресурсов, в основе второго типа — новые, классовые и индивидуалистические ресурсы³.

Ресурсный подход является шагом вперед по сравнению с существовавшими ранее концепциями, которые концентрировались на одной стороне вопроса — культурно-историческом

Бредникова Ольга Евгеньевна, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге; Паченков Олег Вячеславович, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

своеобразии этнических групп, и таким образом игнорировали массу иных социальных и экономических феноменов⁴. Ресурсный подход включает уже два полюса — этнический и классовый. Однако, как мы полагаем, не эти полюса определяют и структурируют жизнь мигрантов.

В статье будет предпринята попытка рассмотреть жизнь экономических мигрантов, исходя из иной перспективы и акцентируя внимание на их принадлежности к двум принципиально различным типам сообществ — «воображаемым сообществам»⁵ и «первичным группам».

Статья написана на материалах исследовательского проекта «Кавказцы»⁶ в российском городе: проблемы интеграции на фоне ксенофобии»⁷. Цель проекта — изучить проблемы интеграции мигрантов с Кавказа в Санкт-Петербурге, их типичные жизненные стратегии, формирование и принципы функционирования социальных сетей в экономической сфере.

Основные методы исследования — «участвующее наблюдение» (*participant observation*) и беседы с информантами. Возможность «участвующего наблюдения» представлялась нам необходимым условием для понимания правил и норм, существующих в этой среде, для объяснения социальных действий мигрантов. Однако обсуждать увиденное и услышанное с информантами было также необходимо. Лишь это позволяло реконструировать смыслы, приписываемые самими «кавказцами» своим и чужим действиям, и избежать приписывания «смысла исследователя».

Этническая экономическая миграция в постсоветской России: социально-исторический контекст

Распад СССР, военные и этнические конфликты на Кавказе и в Центральной Азии привели к массовой миграции их жителей в крупные российские города. Наряду с беженцами и вынужденными переселенцами появляются и экономические мигранты, которые в условиях экономической разрухи и безработицы строят новые стратегии выживания в сопредельных странах. Цель миграции — реализация экономических стратегий, связанных с максимально быстрым обогащением, во многом определяет и формирует образ жизни мигрантов в Санкт-

Петербурге, структурирует их времяпрепровождение и т. д. Важным фактором, оказывающим влияние на образ жизни мигрантов-«кавказцев» в России, является ксенофобия местного российского населения. Высокая конкурентоспособность приезжающих в некоторых сферах деятельности (например, в мелкой розничной торговле), непохожесть как во внешности, так и в культурных и бытовых практиках стимулируют приписывание мигрантам негативных качеств и ведут к усилению враждебности.

Основная масса мигрантов оседает в Краснодарском, Ставропольском краях, в Ростовской области, Северной Осетии⁸, а также устремляется в Москву и Санкт-Петербург. Среди экономических мигрантов обе российские столицы пользуются особой популярностью. Темпы миграции жителей Кавказа и Закавказья в Петербург достаточно велики, и ее масштабов сегодня никто точно не представляет. По данным Всесоюзной переписи населения, в 1989 г. в Петербурге насчитывалось 32,4 тыс. выходцев из Закавказья и 10,9 тыс. — с Северного Кавказа⁹. Сегодня их, безусловно, намного больше, однако дать достоверную количественную оценку не представляется возможным, поскольку далеко не все прибывающие в город мигранты официально регистрируются. Например, согласно той же переписи 1989 г., в Петербурге насчитывалось 12 тыс. азербайджанцев. А сейчас, по мнению экспертов, в качестве которых выступают ученые, представители власти или лидеры азербайджанских общественных организаций, в городе их проживает от 50 до 500 тыс. Эта оценка напрямую зависит от ангажированности эксперта. Хорошим примером, иллюстрирующим сомнительность оценок числа мигрантов из Азербайджана в современном Петербурге, могут послужить следующие цитаты из городских газет: «Сейчас в Питере проживают свыше 14 тыс. жителей Азербайджана» (В. Бова, «Смена», 2.03.99); «За прошлый год многое было сделано Гудси Османовым для укрепления связей трехсоттысячной азербайджанской диаспоры (самой крупной в Санкт-Петербурге) с властями Петербурга и столицей своей исторической родины» (Л. Корсунский, «Петербургский Час Пик», 3—9.03.99).

Беспомощность экспертов, предлагающих совершенно несопоставимые цифры, связана прежде всего с тем, что мигранты выбирают стратегию избегания любых контактов с государством, в том числе — всего связанного с регистрацией.

Каждое формальное столкновение с государственной машиной оказывается для них дорогим и хлопотным. Отлаженная система взяток позволяет по обоюдному согласию с милиционерами «на месте» решать проблемы, касающиеся нарушения паспортного режима.

Атмосфера, в которую попадают мигранты из республик кавказского и центральноазиатского регионов, может быть охарактеризована как ксенофобия, зачастую откровенно переходящая в расизм. Многие исследования, в том числе российские, фиксируют высокий уровень ксенофобии в современной России¹⁰. Явная и скрытая дискриминация «кавказцев» исходит как от обывателей, так и от городских властей. Пресса акцентирует внимание на этнической принадлежности преступников, тем самым создавая миф о «кавказской мафии». Распространены неформальные практики нарушения прав «кавказцев» милицией, проводится политика, целью которой является ограничение их гражданских и человеческих прав, вытеснение из многих видов экономической деятельности и из городов вообще. Более того, работники органов внутренних дел начинают выступать в роли социологов, преподнося в качестве результатов научных исследований сфабрикованные статистические данные, собранные сомнительным образом и представленные аудитории с чудовищными нарушениями методики и социологической этики¹¹.

Неприязнь прослеживается и на бытовом уровне. Массовые опросы населения демонстрируют выраженную ксенофобию по отношению к «кавказцам»¹². Такие настроения подпитываются тем, что многие мигранты приезжают из сельских районов, далеки от городской культуры и зачастую плохо владеют русским языком; они плохо интегрированы в принимающее общество, и эта ситуация чревата тяжелыми социальными последствиями.

Этническая экономика?

В научном сообществе уже сложилось определенное представление о мигрантах-«кавказцах» в России, об истории миграции, структуре и особенностях функционирования сообществ и т. д. Дабы не быть голословными, сошлемся на две статьи отечественных авторов — В. Ильина и А. Снисаренко, чьи позиции, по нашему мнению, отражают настроение россиян и

точку зрения российских исследователей миграции и этнических процессов.

Статья В. Ильина обладает рядом несомненных достоинств, к числу которых относится умение тонко подмечать любопытные особенности обыденного мышления россиян, делать достаточно интересные наблюдения, вскрывая знания и практики «простого советского человека» в сфере межрасовых отношений и по поводу «лиц кавказской национальности», в частности. Одновременно статья полна популярных массовых стереотипов, которые существуют лишь в качестве слухов и не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты без тщательного включенного наблюдения. Так, автор пересказывает широко распространенную версию, что беженцы из «горячих точек» завоевали престижную экономическую нишу, воспользовавшись внутригрупповыми этническими сетями солидарности: «Значительная часть кавказских беженцев прибыла с солидными финансовыми средствами, навыками предпринимательской деятельности, связями и получила поддержку уже существующих землячеств. <...> Во многих районах российских столиц вся ларечная торговля оказалась монополизированной этим сплоченным сообществом, не допускающим конкуренции и взвинчивающим цены»¹³.

Данное заявление сделано в рамках научной статьи и, соответственно, выглядит не как пересказ обывательского мнения, но претендует на «научность» и потому заслуживает комментария. Наше исследование показало, что «беженцы из горячих точек» довольно редко имели какие бы то ни было финансовые средства (на то они и беженцы); большинство из них не обладало «навыками предпринимательской деятельности»; их «связи» зачастую ограничивались даже не родственниками, но «друзьями родственников друзей», которых они никогда не видели; наконец, не очень понятно, что автор понимает под «землячествами». Причем, по нашим сведениям, никакой поддержки от «землячеств» мигранты, как правило, не получали, а могли рассчитывать лишь на помощь со стороны близких друзей, родственников, соседей и земляков, с которыми имеются общие знакомые. Понятие «земляки» ассоциируется скорее с конкретными людьми и межличностными отношениями, в то время как использование термина «землячество» по своему смыслу отсылает к некой организации. То, что автор прибегает к данному термину, свидетельствует о его знакомстве с западной

дискуссией об этнической миграции и о его желании, без проведения собственных изысканий, перенести выводы западных ученых на постсоветскую ситуацию. Что же касается монополизации рынков сообществами «кавказцев», «не допускающими конкуренции и взвинчивающими цены», то, согласно нашим наблюдениям, на рынках города существует нормальная конкуренция и взаимное сотрудничество между местными предпринимателями и мигрантами, при отсутствии какой бы то ни было особой «сплоченности» между последними.

Не менее интересна статья А. Снисаренко. Этот автор, изучая азербайджанскую диаспору в Петербурге, попытался «втиснуть» российскую реальность в рамки выработанных на Западе социологических концепций и воспроизвел массу мифов, пересказанных ему лидерами азербайджанского национально-культурного общества «Даяг». Западные концепции «этнического предпринимательства» и позиция представителей азербайджанской национальной элиты прекрасно соотносятся друг с другом. С подачи лидеров общества «Даяг» А. Снисаренко так описывает картину жизни «азербайджанцев» (видимо, имеются в виду все азербайджанцы) в Петербурге: «Этническая деятельность представителей этой общины в Санкт-Петербурге тесно связана с этническими предприятиями, созданными азербайджанцами. Азербайджанская община активно включена в работу по поддержке своих членов в удовлетворении их базовых потребностей для жизни в инонациональной среде. В рамках этой общины проходят реальные процессы жизнеобеспечения ее членов. Эта община обеспечивает первичную адаптацию вновь пребывающих азербайджанцев в город. А оказание такой поддержки для азербайджанцев-мигрантов (или тех кого, они считают таковыми) через национальную общину — это и есть классический пример использования этничности в экономических интересах. Именно этнический ресурс позволяет вновь пребывающим устраиваться в городе и вести активную экономическую деятельность. Первичное вхождение в экономическую деятельность азербайджанцев в Санкт-Петербурге происходит в сетях поддержки своей общины»¹⁴.

Мы полагаем, что такую точку зрения на «этническую миграцию» разделяет большинство сегодняшних россиян, включая ученых-социологов. Между тем, в ходе собственных исследований мы пришли к выводу, что ситуация с мигрантами-«кавказцами» выглядит несколько иначе.

Так, А. Снисаренко с легкостью употребляет понятие «азербайджанская община», не уточняя, что именно понимается под общиной и кто в нее входит. При чтении статьи создается впечатление, что с помощью этого понятия автор описывает все азербайджанское население Петербурга. Между тем, при более внимательном изучении текста оказывается, что автор описывает не более, чем узкую группу «азербайджанской» элиты, объединенной вокруг национально-культурного общества и прекрасно интегрированной в «инонациональную» среду Петербурга. Она состоит из «азербайджанцев», которые приехали в Ленинград 20–30 лет назад и сегодня являются обычными петербуржцами: учеными, предпринимателями, служащими различных государственных и негосударственных учреждений. «Азербайджанская» элита претендует на роль «помощника», который способствует адаптации соотечественников в «чуждой» среде.

Наше же исследование показало, что члены национально-культурных обществ интегрируют лишь небольшое количество новоприбывших, как правило, родственников, друзей и «друзей родственников». Большинство же мигрантов, торгующих на рынках города, понятия не имеют о существовании некой «общины», точнее, национально-культурных обществ. В представлении наших информантов «община» ограничивается конкретным рынком. Со своей стороны, представители «кавказской» элиты заявили нам, что не имеют никаких связей с недавними экономическими мигрантами, торгующими на рынках; более того, дистанцируются от своих «некультурных, нецивилизованных, с гор спустившихся»¹⁵ соотечественников — мигрантов последней волны.

Опровергнув в ходе исследования ряд популярных мифов о мигрантах-«кавказцах» (в начале исследования мы сами были подвержены этим мифам), мы пришли к следующему выводу: ориентация на этничность в среде недавних экономических мигрантов носит ситуативный характер и не является определяющей в выборе жизненных стратегий, в том числе трудовых. Приведем несколько примеров.

Мы неоднократно наблюдали, как мигранты из азербайджанского города Гянджа, торгующие зеленью на одном из рынков города, «делают» друг на друге деньги. В течение полутора часов с момента открытия рынка на нем происходит мелкооптовая торговля зеленью. Мелкооптовые продавцы — как

правило, жители Петербурга и Ленинградской области. Они продают зелень торговцам-азербайджанцам, которые затем в течение дня продают эту зелень в розницу. Сами азербайджанцы тоже стремятся участвовать в утренних мелкооптовых торгах. Играя на разнице в ценах, они продают и покупают друг у друга зелень. При этом, между условно «своими» не существует согласованной ценовой политики; их экономические стратегии индивидуальны, каждый пытается перепродать товар другому с «накруткой». В данной ситуации по отношению друг к другу они выступают в роли конкурентов, но не в роли солидарных «соплеменников».

Другой пример. Один из наших информантов, мигрант из Таджикистана, несколько раз высылал домой своих племянников, которые приезжали к нему в надежде найти работу и помощь. Они оказывались, по словам информанта, неспособными для самостоятельной работы, а «кормить и помогать им до бесконечности» он не имел возможности. Этот же информант рассказал о случае, когда рыночное сообщество отказалось выкупать из тюрьмы соотечественника-подростка, которого посадили за воровство. Среди экономических мигрантов, приехавших на заработки и добывающих свой хлеб тяжелейшим трудом, не поощряется стремление некоторых соплеменников получить «легкие» деньги.

С другой стороны, в ходе исследования мы наблюдали примеры сотрудничества мигрантов-«азербайджанцев» и местных предпринимателей. Подобную кооперацию в научной литературе по этническому бизнесу принято описывать как сотрудничество с другими этническими группами. Однако наш опыт показывает, что это не сотрудничество представителей одной этнической группы с представителями другой этнической группы, а взаимовыгодные контакты профессионалов. Этничность практически не играет роли при выборе того, с кем экономические мигранты кооперируются, значимыми оказываются совершенно иные факторы¹⁶.

Таким образом, взаимодействие мигрантов, которое, на первый взгляд, может показаться исследователю связанным с этничностью контрагентов, в действительности оказывается ориентированным на совершенно иные социальные идентичности и связи. В реальной жизни, в реальном бизнесе помогают и доверяют друг другу не «соплеменники», а мигранты, часто принадлежащие к различным этническим группам; помогают друг другу друзья, коллеги, соседи и т. п.

Таким образом, разделяемая этничность, «объективно» присутствующая с точки зрения стороннего наблюдателя, часто в действительности не является той идентичностью, на которую мигранты субъективно ориентируются в своих экономических действиях. В то же время, анализируя жизнь и работу мигрантов-«кавказцев», мы не можем совершенно обойтись без этнических категорий. Описание постсоветского общества неизбежно содержит упоминание о национализме и этнических фобиях. В современной России категории национально-этнических «воображаемых сообществ» стали основными, при помощи них мы воспринимаем и интерпретируем окружающий мир¹⁷. Именно поэтому, несмотря на наше стремление не переоценивать этничность как фактор субъективной ориентации мигрантов в их экономическом поведении и наблюдать те групповые идентичности, которые мигранты действительно учитывают в своих действиях, мы были вынуждены признать, что этничность играет достаточно важную роль в их жизни. Точнее, важным оказывается приписывание мигрантам определенной этничности со стороны тех, кто имеет достаточно ресурсов и власти, чтобы «оказывать давление», «вытеснять», «навязывать».

Стремясь соотнести собственные наблюдения с мировой научной дискуссией, мы обратились к теориям, предложенным Б. Андерсоном и Э. Шилзом¹⁸. Разработанные ими подходы позволили интерпретировать действия мигрантов как ориентированные, с одной стороны, на этническую принадлежность, с другой — на отношения родства, дружбы, соседства, трудового сотрудничества и пр. Поэтому нам показалось необходимым описать и проанализировать жизнь мигрантов, принадлежащих к этническим меньшинствам, как членов «первичных групп»¹⁹ и одновременно как членов «воображаемых сообществ»²⁰. Мы кратко опишем обе концепции, акцентируя те их аспекты, которые наиболее важны для нашего исследования.

Концепция наций как «воображаемых сообществ»

Б. Андерсон разделяет все существующие и существовавшие человеческие сообщества на два типа: «сообщества межличностного взаимодействия» и «воображаемые сообщества».

Нации — лишь один из типов воображаемых сообществ²¹. Согласно Б. Андерсону, антропологическое определение нации таково: «это воображаемое политическое сообщество <...>. Оно воображаемое, потому что члены даже самих наций никогда не узнают о большинстве членов той же (национальной) общности, не встретят их и даже никогда о них не услышат, однако в голове каждого из них живет образ их сообщества»²².

В данной теории для нас важен статус сообществ, их «воображаемость», т. е. сообщества существуют постольку, поскольку люди верят в их существование, верят, что они сами и другие люди являются некоторой «мы-группой», несмотря на отсутствие непосредственного (лицом к лицу) взаимодействия между всеми членами такого сообщества. Данная характеристика нации может быть распространена и на этнические группы²³.

Концепция «первичных групп»

В 1887 г. Ф. Теннис предложил концепцию истории человечества как движения от «общин» (*Gemeinschaft*) к «обществам» (*Gesellschaft*). Позднее идею движения обществ от одной социальной формы к другой развивали Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, М. Вебер и другие ученые, в числе которых был и Ч. Кули. Он говорил об относительно малых группах с интенсивной и всеобъемлющей солидарностью, где существует возможность постоянного непосредственного общения и явное ощущение «мы-группы», в которой индивидуальность часто растворяется²⁴. Ч. Кули, как и Ф. Теннис, противопоставлял этосу первичных групп индивидуалистичность, атомарность, замкнутость личности на себе, характерные для современного общества. Он считал, что большое общество может и должно взять за основу своего устройства отношения, существующие в первичных группах.

Одновременно развивалась немецкая традиция изучения сообществ «общинного» типа. В 1920 г. Г. Шмаленбах проанализировал само понятие *Gemeinschaft* и обнаружил, что оно состоит как минимум из двух основных частей, которые должны быть разделены. Первая часть — примордиальная, основанная на общности места рождения и происхождения, общности предков, брачных отношений, родственных кровных связей. Если устранить этот примордиальный элемент,

остается то, что Г. Шмаленбах назвал «бунд» — союз, братство. Суть этой общности в тесной взаимной привязанности, не зависимой от примордиальных связей²⁵. Творчество Ч. Кули и выделение Г. Шмаленбахом «бунда» как вида «первичной группы» оказали сильное влияние на Э. Шилза.

Начиная с 1943 г. этот ученый провел ряд исследований «первичных групп»: советских дезертиров и военнопленных в немецкой армии, рабочих на американских заводах и пр. В результате он пришел к выводу о том, что между солдатами, так же как и между рабочими на крупных предприятиях, существует привязанность, которая не связана с преданностью идеалам официальной идеологии, а также далека от преданности высшему начальству. Члены небольших групп с тесными внутригрупповыми межличностными связями ориентированы на ценности малой группы. Так, для солдат было важно хранить верность и преданность своему непосредственному командиру, товарищам; они ориентировались на определенные идеалы, культивируемые внутри группы, принимали на себя определенные обязательства перед ней. В ходе анализа Э. Шилз пришел к выводу о существовании двух видов первичных групп типа «бунд». Один тип — героический, когда члены группы готовы жертвовать жизнью за ее высокие идеалы и за своих товарищей. Второй тип — аполитичные люди, которым нет дела до высоких целей, солидарности, товарищества и мнения других²⁶.

Переводя результаты этих исследований в веберианскую терминологию, Э. Шилз делает особый акцент на различиях в ценностях и интенсивности ценностных ориентаций между малыми (первичными) группами и большими сообществами²⁷. Ученый показал, что, вопреки мнению Ч. Кули, ценности первичных групп не могут быть заимствованы большими сообществами, поскольку зачастую они не совпадают и даже противоречат друг другу. Члены малых групп с высокой степенью приверженности идеалам малой группы могут оставаться совершенно нечувствительными к целям и ценностям больших сообществ²⁸.

В нашем исследовании момент эмоциональной привязанности, психологического комфорта и пр. не столь важен. Гораздо существеннее ориентация индивида (в данном случае мигранта) на правила «первичных групп» как малых групп межличностного взаимодействия. Мы акцентируем особое

